

Таро ОДАСИМА

СМЕРТЬ ДОБРОГО ЧЕЛОВЕКА И ПРОДОЛЖЕНИЕ ЕГО ЖИЗНИ В ДУШАХ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ — ТАКОВА ФОРМУЛА ВЕРЫ В ВОСКРЕСЕНИЕ СКЕПТИКА ДОСТОЕВСКОГО?*

Эпиграфом к последнему роману Достоевского “Братья Карамазовы” взяты слова Иисуса из Евангелия от Иоанна: “Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода” (Ин. 12, 24). Очевидно, что в эпиграфе говорится о смерти как о чем-то позитивном, приносящем плоды.

Р.Грюбель считает, что Достоевский самим выбором эпиграфа указывает на интертекстуальный процесс создания романа, в результате которого объединенные автором “тексты” утрачивают собственный первоначальный смысл во имя зарождения новых “текстов”: “Интертекстуальность “Братьев Карамазовых” порождается обновлением непрерывности смысла в результате культурно-исторической и культурно-иерархической инверсии — как испытание новых взглядов в отношении к прежним, своим представлений — в отношении к чужим представлениям” (Grübel, s. 264). Или, говоря короче: “... мифологически: рождение своего слова есть смерть чужого слова” (там же). С точки зрения Грюбеля, смысл эпиграфа — в переходе от *старого* к *новому* или от *чужого* к *своему*** в литературном творчестве Достоевского.

Д.Томпсон, стремясь показать роман Достоевского “поэтической системой культурной и индивидуальной памяти” (Tompson, p. 2), хотя и не рассм

* Данная статья представляет собой слегка переработанный и сокращенный текст лекции, прочитанного мною 4 августа 1995 года в Гаминге, Нижняя Австрия /прим. автора/.

** Теоретические понятия, важные для автора данной статьи, пишутся им, как и все существительные в немецком языке, с большой буквы; во избежание некоторого искажения смысла при написании их, по правилам современного русского языка, с маленькой буквы, мы сочли возможным использовать курсив /прим. ред./.

приваивает отдельно эпиграф к “Братьям Карамазовым”, все-таки указывает на его связь со структурой и содержанием романа: “Самим выбором эпиграфа Достоевский дает ключ к пониманию своего последнего романа и побуждает сразу же распознать ту систему культурной памяти, которая формирует весь его контекст”. Д. Томпсон считает притчу, взятую эпиграфом к роману, “главной романной метафорой” (р. 13). “Память об этой притче обеспечивает развитие всего сюжета “Pro et contra” (применительно к христианству. — Т.О.) и направляет действие “Братьев Карамазовых” от начала и до конца” (р. 68). Томпсон полагает, что от того, насколько близко мы сможем подойти к смыслу эпиграфа, зависит и то, насколько близко мы подойдем к целому роману.

Далее я остановлюсь еще на двух статьях. Обе они написаны на близкие темы и имеют к моему сообщению более или менее прямое отношение. Первая — работа Сергея Левицкого, вторая — Марины Туркевич-Науман. Поэтому мой доклад будет состоять из трех частей: сначала я намереваюсь обсудить статью Левицкого, затем остановлюсь на статье Науман и в заключение изложу свои собственные тезисы.

Начну я со статьи Левицкого, она называется “Идея бессмертия у Достоевского”. Как следует из заглавия, речь в ней идет о теме “бессмертия”. Сразу заметим, что Левицкий говорит не столько о вере в “бессмертие” героев Достоевского, сколько о вере самого Достоевского. Резюмируя сказанное автором: Достоевский твердо верил в “бессмертие”. Поэтому он и писал об этом в своих произведениях. Согласно Левицкому, Достоевский и сам интересовался будущей жизнью человеческой души. Интерес этот возник, судя по всему, уже после выхода из каторги. Под “бессмертием” Левицкий понимает прежде всего продолжение жизни души человека после смерти его физического тела, хотя разделение будущей жизни на физическую и духовную и кажется автору не всегда обязательным. Под этим углом зрения Левицкий рассматривает многие произведения Достоевского, как художественного, так и публицистического характера. Статью Левицкого отличает то обстоятельство, что в ней анализируются преимущественно те тексты, в которых речь идет только о “потустороннем”. Исходя из этого, следовало бы допустить, что главные герои поздних романов Достоевского, например, Верховенский или Иван Карамазов, составляют исключение.

Можно спросить, из чего исходит Левицкий. Насколько я могу судить, в трактовке темы “бессмертия” он опирается в конечном счете на слова Верховенского, отца Петра, из “Бесов”. Верховенский говорит следующее: “Если есть Бог, то и я бессмертен!” (10; 505). Верховенский говорит так, потому что верит: Бог не захочет истребить смертью его, Верховенского, любовь к Богу.

Следовало бы возразить, что на основании слов Верховенского нельзя судить об образе мыслей и вере автора. Но, соглашаясь с Левицким, нужно напомнить, что и сам Достоевский высказывал сходные мысли в своих “Раз-

мышлениях у гроба” (20; 172 – 176, запись от 16 апреля 1864 г.), которые я не цитирую здесь из-за недостатка времени.

Скажу еще несколько слов о статье Левицкого. Он излишне жестко ограничивает свои размышления текстами, прямо затрагивающими тему “бессмертия”. В его поле зрения редко попадают те тексты, в которых говорится как о потусторонней, так и о посюсторонней жизни человека. Две жизни человека разделяет смерть, событие, имеющее исключительно тяжелое, неизбывное последствие для оставленных близких. В этом смысле смерть преодолевает границу между двумя жизнями, той и этой, или, иначе – между жизнью в этом мире и бессмертием в мире ином. Тема “смерти” является центральной в статье Науман.

“Смерть в “Братьях Карамазовых” – так звучит название ее статьи. Конечно, не обязательно прочесть эту статью, чтобы понять: тема “смерти” для Достоевского имела особый смысл – ему пришлось пережить раннюю смерть родителей, смерть первой жены, брата и сверх того еще смерть любимого сына Алеши.

Статья Науман очень информативна. Тема смерти обсуждается в ней с религиозно-философской точки зрения и в традиции Православной Церкви. Статья Науман является, по сути дела, комментарием к проблеме смерти в романе Достоевского.

Для меня эта статья важна еще и потому, что эпиграф к роману повторяется в ней как рефрен, и многие смысловые связи в романе устанавливаются с помощью эпиграфа. Исследовательница, разумеется, указывает на многозначность слова “воскресение” в русском языке. Согласно Науман, это слово обозначает “духовное воскресение, этическое возрождение, метафизическое перерождение или физическое обновление” (Naumann, p. 160). Учитывая такую многозначность, она говорит о внутренних связях того и этого мира, придающих роману особую глубину и особый размах. Истоки этого основного тона романа Науман, насколько я понимаю, находит, в конечном счете, в переживании смерти Алеши, глубоко потрясшей Достоевского.

Примечательно, что Науман толкует эпиграф к “Братьям Карамазовым”, ограничиваясь только этим романом, только изнутри его. Поэтому я и спрашиваю себя: разве эпиграф к этому роману не отсылает к другим произведениям Достоевского, ведь и в других его романах присутствуют и развиваются те же темы? Романы Достоевского образуют как бы непрерывную цепь. Это особенно очевидно при сопоставлении их с романами Толстого. Поэтому я и задаю вопрос: нельзя ли соотнести эпиграф к “Братьям Карамазовым” с другими произведениями Достоевского? Может быть, с помощью других произведений писателя смысловые коннотации эпиграфа будут понятны лучше? Такая постановка вопроса позволительна еще и потому, что эпиграф не является авторским высказыванием, предназначенным специально для

данного произведения, но представляет собой цитату из Библии и, будучи цитатой, может или даже должен быть многозначным в контексте романа. Вот мои вопросы.

Мой собственный тезис состоит в том, что эпиграф к “Карамазовым” является важной частью тематического комплекса, имеющего довольно долгую предысторию в творчестве Достоевского. В качестве эксперимента я использую здесь понятие “тематический комплекс” в значении “последовательного сочетания разных тем, которые сменяют друг друга в содержании текста, но не всегда присутствуют в одном тексте в непосредственной связи друг с другом”. Пожалуй, это сочетание можно было обозначить терминами “комплекс мотивов” или “комплекс идей”. Однако я предпочитаю пользоваться понятием “идеальный образец” тематического комплекса и его “варианты”.

“Идеальный образец”, о котором я говорю, включает в себя три темы: во-первых, исповедь сердца перед смертью; во-вторых, мысль о бессмертии в исповеди сердца и, наконец, позитивное воздействие смерти на людей, постигших смерть и потрясенных ею. Или, говоря кратко: 1) исповедь сердца перед смертью, 2) идея бессмертия в душах других людей и 3) благодатное влияние смерти. “Идеальным образцом” являются образы и сама история о “тайном госте” и старце Зосиме.

Должен ли я особо обратить ваше внимание на то, что в дальнейшем я вполне сознательно откажусь от обсуждения интертекстуальных проблем?

Вы спросите меня, как связаны друг с другом столь разные темы? Вероятно, они связаны в силу следующего порядка вещей: человек говорит много или пишет много и затем умирает. Смерть трогает слушающих или читающих, потрясает их настолько глубоко, что эти люди вспоминают о содержании сказанного или написанного и тем самым вспоминают и о том, как жил умерший. Так совершается духовное выздоровление, или обновление, если, конечно, это светлые воспоминания. Для простоты духовный процесс описан мною схематически. В действительности он много драматичнее. Каждый из нас так или иначе переживает его в ситуации смерти родителей или близких родственников. И все-таки добрые люди остаются “бессмертными” в душах других людей. В этом и состоит духовное возрождение оставшихся и воскрешение умерших. И этот круг духовного возрождения не разомкнется, пока существует человечество. Вот на этом основании и связаны друг с другом перечисленные выше, столь различные, темы. Слово “бессмертие” означает поэтому у Достоевского не всегда, но в определенных ситуациях “бессмертие” человека в памяти и душах других людей.

Поскольку под “идеальным образцом” я понимаю определенный тематический комплекс, то в дальнейшем я рассмотрю его составляющие в произведениях Достоевского.

За недостатком времени я лишь мельком остановлюсь на примерах ис-

поведи сердца перед смертью, упомянув Мармеладова, Ипполита, Ставрогина, Кириллова, Верховенского, Версилова, Макара, Маркела, “таинственного гостя” и, наконец, старца Зосиму. В случае с Ипполитом, Ставрогиным, Кирилловым и Зосимой речь идет о документах, так сказать, о письменной исповеди сердца. К тому же в ночном разговоре с “таинственным гостем” Зиновий произносит слова Иисуса, вынесенные в эпиграф к роману.

Самый молодой из перечисленных персонажей – Ипполит, однако и ему уже исполнилось восемнадцать лет. Все названные персонажи, следовательно, – взрослые люди. Событие, названное мною исповедью сердца, является способом подведения итога прожитой жизни. Поэтому к этой группе персонажей не относятся дети. С известным допущением к данной группе можно отнести Версилова, отца Аркадия из “Подростка”: он хотя и исповедуется, но не только не умирает физически, но и, разрушаясь духовно, претерпевает духовную смерть совсем с другими словами на устах.

Теперь я перехожу ко второй теме, к идее “бессмертия”.

Примеры: Мармеладов, Ипполит, Версилов, Маркел, “таинственный гость”, Зосима и Илюша. Об этих образах я скажу, по возможности, кратко.

Мармеладов говорит о Христе накануне Страшного Суда: “Придет в тот день и спросит: “А где дочь..?” (6; 21) Далее Мармеладов произносит слова, из которых следует, что он верит: Христос простит всех и примет всех и его, Мармеладова. Через это прощение и приятие и настанет жизнь вечная.

Ипполит в “Необходимом объяснении” пишет: “Религия! Вечную жизнь я допускаю и, может быть, всегда допускал” (8; 343). И дальше: “А между тем я никогда, несмотря даже на всё желание моё, не мог представить себе, что будущей жизни и Провидения нет. Вернее всего, что все это есть, но что мы ничего не понимаем в будущей жизни и в законах её” (8; 344). Ипполит также утверждает, что сделанные человеком добрые дела остаются как брошенные в землю семена (8; 336). Остаются, разумеется, в памяти людей.

Версилов, отец Аркадия, убежден: если в последние времена “великая идея бессмертия” исчезла бы, то люди, в поисках замены, уверовали бы в идею продолжения человеческого рода: “...а после них дети их” (13; 379). Сходные идеи можно обнаружить и в “Сне смешного человека”.

Маркел говорит своему брату Зиновию: “живи за меня”. И Зиновий, впоследствии старец Зосима, помнит эти слова. Так в Зиновии продолжается жизнь его брата Маркела. Тем самым слова и дела Маркела опосредованно соотносятся с идеей бессмертия.

“Таинственный гость” говорит перед смертью: “Бог сжалился надо мной и зовет к себе” (14; 283). По всей видимости, он верует в вечную жизнь в Боге.

Излишне напоминать, что и старец Зосима много говорит о “том свете”. Илюша просит отца после смерти взять вместо него другого мальчика и

называть Илюшей, чтобы не забыл отец своего умершего сына. Илюша верит, что в памяти отца продолжится и его жизнь.

В заключение приведем фрагмент диалога между Алешей и Колей из "Братьев Карамазовых", в котором Коля стремится быть скептиком:

— Карамазов! — крикнул Коля, — неужели и взаправду религия говорит, что мы все встанем из мертвых, и оживем, и увидим опять друг друга, и всех, и Плюшечку?

— Непременно восстанем, непременно увидим и весело, радостно расскажем друг другу все, что было, — полусмеясь, полу в восторге ответил Алеша.

— Ах, как это будет хорошо! — вырвалось у Коли" (15; 197).

К этой же группе людей относится и странник Макар. Аркадий говорит о его рассказах: "Я запомнил <...> из этих рассказов один длинный рассказ..." (13; 309).

В романах Достоевского представлены, следовательно, два рода *бессмертия*: "бессмертие", вытекающее из Бытия Божия, в Боге и Богом данное, и "бессмертие" как память, в делах других людей. К этому обстоятельству я еще вернусь.

Переходим, наконец, к третьей и последней теме, к благодатному воздействию смерти. В этой связи стоит упомянуть восьмилетнего "хорошенького мальчика", ребенка, из рассказа странника Макара; Маркела, "таинственного гостя", Зосиму и Илюшу.

Здесь я смогу остановиться только на некоторых примерах.

В "Подростке" Макар рассказывает о трагической гибели мальчика, — эту историю, со слов Макара, излагает Аркадий. Мальчик бросился в реку и захлебнулся. Страшный купец Максим Иванович, виновный в самоубийстве ребенка, после явления ему во сне погибшего мальчика, становится добрым человеком. Впоследствии у него родился ребенок. Ребенок умер. После его смерти купец совершенно изменился, оставил дом, жену, богатство и пошел странствовать.

Вспоминая Илюшу, Алеша говорит: "Ну, а кто нас соединил в этом добром хорошем чувстве, об котором мы теперь всегда, всю жизнь вспоминать будем и вспоминать намерены, кто как не Илюшечка, добрый мальчик, милый мальчик, дорогой для нас мальчик на веки веков! Не забудем же его никогда, вечная ему и хорошая память в наших сердцах, отныне и во веки веков!" (15; 196).

Не нужно объяснять, что именно смерть становится в этих случаях решающим толчком к выбору нового пути в жизни.

Вы заметили, наверное, что термины и понятия, которыми я пользуюсь, не имеют достаточного обоснования. Однако если бы они были определены строже, мы упустили бы возможность обнаружить глубокую внутреннюю связь между разными темами.

Теперь, на основании изложенных тезисов, я хотел бы высказать некоторые предположения. *Какой вывод следует сделать?* Не в отношении произведений Достоевского, но в отношении его собственных убеждений. Я исхожу из того, что Достоевский всегда видел противоречие между традиционной верой в личное бессмертие и новыми, завезенными с Запада, материалистическими идеями. Мне представляется также, что в какой-то момент своей жизни Достоевский не мог более принимать и традиционную веру в Воскресение. Не могу сказать точно, в какой период жизни Достоевского это произошло. Но в подтверждение своего предположения приведу три факта:

1. "Размышления у гроба". В этих записях я не могу, как бывало уже не раз, обнаружить ни ссылок, ни даже намеков на традиционную веру в *воскресение*, хотя запись и начинается с вопроса: "Увижусь ли с Машей?" (20; 172). Я слышу в этих раздумьях скорее тон скепсиса или уж во всяком случае вижу расхождение с традиционной верой.

2. О картине Гольбейна "Мертвый Христос". Как вы помните, размышления об этой картине помещены в романе "Идиот". К тому же Анна Григорьевна свидетельствует, что эта картина потрясла ее мужа, когда он увидел в Базеле ее подлинник. Всякий раз, когда я читаю об этом, я вспоминаю о явном противоречии между картиной Гольбейна и Вседержителем Православной Церкви. И еще я спрашиваю себя, почему эта картина тронула его так глубоко, как пишет об этом Анна Григорьевна. Мне представляется, в этой картине Достоевский обнаружил подтверждение своим собственным представлениям, не важно, осозанным или бессознательным. Ведь картина, в которой ничто не вызывает сочувствия, не может нас потрясти.

Я говорил уже, что Достоевский в своих романах показывает два рода *бессмертия*: "бессмертие" в Боге и Богом данное, и *бессмертие* в душах других людей. Видимо, Достоевский когда-то пережил соблазн идеи *человекобожества*, высказанной в его романе Кирилловым. Впоследствии, однако, он отошел от нее, чтобы в конце концов прийти к мысли о "бессмертии" в душах других людей. Второе направление идеи, "бессмертие" в Боге и Богом данное, насколько я понимаю, оставалось для Достоевского до конца жизни недостижимым идеалом.

В этих смысловых контекстах, как в романах, так и в вере Достоевского, я и пытался понять его выбор: почему эпитафией к "Карамазовым" стали слова Иисуса.

БИБЛИОГРАФИЯ

Rainer Gröbel. Die Geburt des Texten aus dem Tod der Texte. Strukturen und Funktionen der Intertextualität in Roman Dostoevskijs "Die Brüder Karamazov" in Lichte seines Mottos, in: Dialog der Texte. Hamburger Kolloquium zur Intertextualität. Hrsg. von W.Schmid und W.D.Stempel. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 2, 1983. S. 205 — 271.

Diane Oenning Thompson. The Brothers Karamazov and the Poetics of Memory.— Cambridge Studies in Russian Literature. 1991.

Сергей Левицкий. Идея бессмертия у Достоевского, *ср.*: Transactions of the Association of Russian-American Scholars. Vol. 14, N.Y., 1981. P. 244 — 277.

Marina Turkevich Naumann. Death in the Brothers Karamazov.— St.Vladimir's Theological Quartely, Vol. 25, N.Y., 1981. P.159 — 174.

Перевод с немецкого Поповой И.Л.